

УДК 1:37

А.В. Кузнецов,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГПУ;

В.В. Кузнецов,
преподаватель кафедры философии БГПУ

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

SUMMARY

The article is devoted to substantiation of the idea that main education strategies result from social science's historical paradigms. As far as modern education strategies based on information society's conceptions in many instances, attention is given to these strategy's principal disadvantages. The authors notes that information society's theorist identify concept «information» and concept «knowledge» often, so «knowledge» is identified with manager's resource. Consequently these strategies can not prepare professionals, who will be able to find the ways of overcoming the modern tech-nogenetics society's crisis.

А.В. Кузнецов,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГПУ;

В.В. Кузнецов,
преподаватель кафедры философии БГПУ

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Эпиграфом к одной из своих статей, сыгравшей выдающуюся роль в становлении концепции информационного общества, Д. Белл приводит отрывок из стихотворения английского поэта XX в. Т. Элиота. В нем есть такие строки:

*«О жизнь, растроченная в существовании...
О мудрость, утраченная в знаниях...
О знание, потерянное в информации...» [1, с. 330].*

На наш взгляд, в этих словах Т. Элиота содержится глубокая критика тех стратегий

образования, которые вытекают из концепции информационного общества.

Как известно, образование в широком смысле этого слова является системой воспроизводства социально-культурной матрицы определенного исторического типа общества. Если культура является своеобразным социокодом поведения и деятельности человека в обществе, то образование есть ничто иное как воспроизводство этого социокода в новых поколениях людей. Поэтому определенный тип обра-

зования и его стратегии зависят, во-первых, от исторического типа того или иного общества и, во-вторых, от системы социального знания (парадигмы), через которую общество понимает самого себя и ставит определенные задачи перед своим функционированием и развитием.

В современной литературе, посвященной проблемам философии образования, проводится мысль о различии понятий «социализация» и «образование» [2, с. 67–68]. Если социализация является стихийным процессом освоения человеком норм, правил и ценностей, господствующих в том или ином историческом типе общества, без которого человек не может стать социальным существом, то образование есть целенаправленная деятельность определенных социальных институтов по формированию уже социализированного человеческого индивида по некоему образу (образцу), каким должен быть человек.

В архаическом обществе (согласно концепции коэволюции природы и общества), где происходит становление как самого общества, так и человека как социального существа, процессы социализации и образования, совпадают. Для того чтобы стать полноправным членом первобытного рода, каждый представитель нового поколения должен пройти не только достаточно трудную систему физических испытаний (инициацию), но и усвоить мифологию этого рода.

Как известно, в первобытном мифе в нерасчлененном (синкретическом) виде содержались и эмпирические знания о мире, которые первобытный человек приобретал в процессе своего взаимодействия с окружающей природной средой, и этические нормы поведения отдельного индивида в обществе, и определенные верования в сверхъестественные силы, и, наконец, некоторые эстетические ценности (образцы прекрасного). Таким образом, мифологическое сказание выполняло в духовной жизни первобытного общества все те функции, которые выполняет в современном обществе наука, мораль, религия и искусство. Поэтому каждый человек архаического общества, овладевая мифом, тем самым фактически овладевал всей духовной культурой этого общества.

Необходимо также помнить, что миф в первобытном обществе выполнял функцию духовного и социального единства рода, солидарности всех членов этого общества, без которых первобытный человеческий коллектив не смог бы выжить перед лицом вызовов окружающей природной среды. Овладевая мифом своего рода, отдельный человеческий индивид овладевал, таким образом, и идеями архаической солидарности и взаимопомощи.

Формирование аграрно-традиционного общества, связанного с «социализацией», превращением энергии биосферы Земли в производительные силы общества (возникновение

земледелия и скотоводства), с появлением производящего хозяйства и прибавочного продукта, влечет за собой образование первых цивилизаций, а также появление социального неравенства и сословно-кастовой социальной структуры общества. Именно на этом этапе развития происходит четкое размежевание образования и социализации. Даже в XVII в. выдающийся философ и реформатор педагогики Д. Локк считал, что ни монарх, ни низшие слои тогдашнего английского общества не нуждаются в образовании, поскольку уже условиями своей повседневной жизни они получают необходимую квалификацию для личной трудовой деятельности. Но образование жизненно необходимо для джентльменов (представителей среднего класса), которым предстоит в будущем осуществлять многообразные функции по управлению обществом.

Итак, появление социального неравенства, различных форм эксплуатации, распада общества на благородных и худородных, богатых и бедных, управляющих и управляемых приводило к тому, что образование становилось необходимым именно для тех из высших социальных слоев, кто должен был управлять обществом и поддерживать его стабильность при отсутствии солидарности. Поскольку этому обществу ввиду доминирования аграрного производства был присущ циклический характер его функционирования, то в его духовной жизни преобладали традиции – повторяющиеся от поколения к поколению нормы и ценности духовной жизни и социального поведения.

Известен афоризм Конфуция: хочешь знать будущее, посмотри назад в прошлое. Несмотря на значительные отличия космоцентрической и теоцентрической парадигм социального знания, на которых базировались теории образования аграрно-традиционного общества, их общей характеристикой являлось доминирование прошлого над настоящим и будущим.

С формированием и развитием техногенного общества – с XVII в. в Европе, а с XIX в. во всем мире – изменяется и роль образования в социальной жизни, а также форма и содержание образовательного процесса. Техногенное общество характеризуется «социализацией», превращением космических сил природы в производительные силы общества (пар, электричество, химические реакции, ядерная энергия и др.). В этом обществе происходит резкое ускорение всех процессов социально-экономического развития. Постоянно возникают и исчезают все новые социально-классовые, социально-этнические и профессиональные группы населения развитых в техногенном плане стран. В мировоззрении этого общества начинает доминировать наука. В социальном знании доминируют естественно-правовая (натуралистическая) и культурно-историческая пара-

дигмы. Человек овладевает вначале теоретически (наука), а затем практически (техника) все новыми космическими силами природы.

Техногенный тип общества характеризуется великими проектами модернизации, к которым можно отнести Реформацию, Просвещение и марксизм. В условиях ускоренного развития общества постоянно трансформируется и система образования. Прежде всего, наряду с демократизацией всего общества происходит и демократизация системы образования. Поскольку развитие техногенного общества требует притока в систему производства все более подготовленных людей для обслуживания постоянно обновляющейся техники, то в развитых странах начальное, среднее и высшее образование (современная Япония) становятся обязательными формами этой подготовки для всего подрастающего поколения, формируется молодежь как особая социальная группа со своей специфической субкультурой [3, с. 279]. В содержании образовательного процесса естественно-научный и технический комплексы дисциплин постепенно вытесняют на периферию социально-гуманитарные дисциплины.

В свою очередь, превращение науки к середине XX в. в главную производительную силу общества, как предсказывал К. Маркс еще в середине XIX в., приводит к появлению новых концепций технологического детерминизма («революция» менеджеров, теории стадий экономического роста, индустриального и постиндустриального общества и др.), рассматривающих развитие техники на основе развития научного знания как базиса социального прогресса человечества. Одной из концепций технологического детерминизма, которая наиболее популярна в настоящее время, является концепция «информационного общества». Однако эти концепции технологического детерминизма были адекватными в период устойчивого развития техногенного общества, но в условиях кризиса современной техногенной цивилизации они уже не в состоянии обеспечить понимание истоков и причин этого кризиса, а следовательно, не в состоянии найти пути выхода из него.

То обстоятельство, что современное техногенное общество переживает кризис, является общим местом столкновения в современной философской и социологической литературе [4].

Для того чтобы найти истоки и причины кризиса этой цивилизации и наметить пути выхода из него, необходимо знание. Но в этой связи следует выяснить, какого рода должно быть это знание.

Как известно, концепция постиндустриального общества Д. Белла основана на том, что в условиях превращения науки уже с начала XX в. в производительную силу общества, наряду с капиталом и трудом (индустриальное общество), знание становится фундаментом развития

цивилизации. Вследствие этого постиндустриальное общество ускоренно развивается на базе постоянного научно-технического прогресса. Особенно быстрыми темпами с 80-х гг. XX в. совершенствуются средства передачи, хранения и обработки информации. «Поэтому не вызывает удивления то обстоятельство, что сам Д. Белл считал информационное общество следующей стадией развития общества постиндустриального» [5, с. 58]. Таким образом, неявно американский социолог отождествляет понятия знания и информации. Однако, как показывают современные исследователи, между знанием и информацией имеются существенные различия: «По своей внутренней сути знание не склонно к распространению. Основная проблема существования знания – это так сказать трудности “перевода”. Знание, как это ни парадоксально звучит, является личностным феноменом, даже (и в первую очередь) когда речь идет о научном знании. Поэтому передача и транслирование знания требует определенной подготовки и обработки. Основное же свойство информации состоит в миграции» [5, с. 59]. Поэтому, с точки зрения Г.Н. Мехеда, «если знание в процессе обоснования и легитимизации ориентируется прежде всего на идеал истины, то для легитимизации информации достаточно ссылки на какой-то источник. Истинность информации при этом никто не гарантирует – “за что купил, за то и продал”».

Таким образом, в отличие от информации, которая носит безответственный, обезличенный характер, знание личностно, самообусловлено и труднодоступно для неподготовленного к его восприятию обывателя. В этих условиях колоссальное накопление информации, ее релятивный и безличностный характер приводит к тому, что «обилие информации поражает и сегодня все знают всё. Но поразительно, что при этом информация не становится стимулом действия. Ее циркуляция стала самоцелью» [6, с. 457].

Учитывая эти противоречия концепции информационного общества, современные теоретики постиндустриальной цивилизации (в частности, П. Дракер) отказались от отождествления понятия информации и знания, сформулировав более точное определение современного этапа развития постиндустриального общества, назвав этот этап «обществом знания», в котором информационные технологии и коммуникации играют подчиненную роль по сравнению с производством знания. Ядром этого «общества знания», с точки зрения П. Дракера, является система образования, главная задача которого заключается в том, чтобы научить индивида самостоятельно учиться и переучиваться [7, с. 98].

С точки зрения Д. Фрэнка и Дж. Майера, в становлении «общества знания» решающую

роль играют университеты, которые являются социальными институтами, где одновременно осуществляется процесс обучения и производства новых знаний.

Тем не менее, следует отметить, что большинство теоретиков, анализирующих процесс становления и развития «общества знания» и задачи реформирования системы образования, которые вытекают из самой концепции «общества знания», рассматривают знание крайне утилитарно. Знание для них является лишь одним из фундаментальных оснований (наряду с капиталом и трудом) экономического роста стран Запада. Этот утилитаризм в подходе к пониманию знания вызывает критику со стороны многих современных философов и социологов. Одним из проявлений такой критики явилась концепция «общества риска» известного немецкого социолога У. Бека. С точки зрения У. Бека, безудержный темп развития современного техногенного общества, связанный с постоянно увеличивающимся потреблением невозобновляемых природных ресурсов, с растущим загрязнением окружающей природной среды отходами производства, с господством в современной экономической системе Запада финансового капитала, рост которого не обеспечен реальным развитием производительных сил общества, ведет к увеличению неопределенности и рисков для самого существования человечества [8]. В этой связи, с точки зрения Д.В. Ефременко, само «общество риска» является оборотной стороной «общества знания». Поскольку научное знание предопределяет будущее развитие человечества, оно выступает и как важнейший фактор, способствующий нарастанию неопределенности этого будущего.

Исходя из вышесказанного, нет ничего удивительного в той растущей критике образовательных стратегий (в частности, «Болонского процесса»), построенных на концепции «общества знания», в современной отечественной философии и педагогике [9].

Критикуя инновационные проекты в области образования, построенные на теории «общества знания», А.Ю. Ашкерев совершенно справедливо отмечает: «“Инновационность” образования предполагает... вполне предсказуемую переменную: знание окончательно превратилось в потребительский продукт со своим стоимостным наполнением, а образовательная система стала институтом интеллектуального сервиса, вполне вписывающимся в существующую сервисную инфраструктуру. Концепция “общества, основанного на знаниях”, пришедшая на смену концепции информационного общества, отсылает нас к общественной реальности, целиком построенной на таком потребительском отношении к знанию. ...Другая характеристика “общества, основанного на знаниях”, связана с

тем, что по отношению к другим формам интерпретации знания доминирующим стал компетентностный подход. Отныне “знанием” признается специализированная экспертная информация, суммирующая комплексные сведения о заведомо частном явлении. При этом знание понимается как менеджерский, организационно-управленческий ресурс. ...Все это, разумеется, имеет масштабные последствия. В частности, знание перестает восприниматься как предмет бескорыстной заинтересованности. В мире, столкнувшись с кризисом перепроизводства возможностей, для такого интереса возможности не остаются. Сомнительны и перспективы философии, которые немислимы без бескорыстного отношения к знанию. Философия сталкивается и с другой угрозой: соответствовать компетентностному подходу означает для нее превращение в банальную идеологию изучения сознания» [10, с. 31].

Таким образом, стратегии образования, построенные на теориях «информационного общества» или «общества знания», не могут помочь нам найти путь выхода из кризиса современной техногенной цивилизации и двигаться по этому пути.

Таким образом, все эти теории построены на фундаменте культурно-исторической парадигмы социального знания, которая в свою очередь является самосознанием и самопониманием техногенного общества. Для того, чтобы найти этот путь, следует выйти за пределы данной парадигмы, отразмышлить современную социальную реальность на основе новой, формирующейся в наше время эколого-футурологической парадигмы.

Переосмысливая в связи со всем вышесказанным строки из стихотворения Т. Элиота, следует отметить, что для того, чтобы отыскать путь выхода из кризиса современной техногенной цивилизации, а следовательно, возвратиться к неистраченной в существовании жизни, нам необходимо найти знание, потерянное в информации, и вернуть мудрость, утраченную в знаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
2. Грехнёв, В.С. Образование как социальный феномен и объект исследования / В.С. Грехнёв // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. – 2010. – № 6.
3. Критика буржуазных теорий молодежи. – М., 1982.
4. Кузнецов, А.В. Практикум по философии: Социальная философия / А.В. Кузнецов, В.В. Кузнецов. – Минск, 2007. – С. 363–397; Барлыбаев, Х.А. Актуальные задачи философского анализа содержания современной эпохи / Х.А. Барлыбаев // Философия и общество. – 2011. – № 2. – С. 110.
5. Мехед, Г.Н. Метаморфозы постиндустриального общества: общество знания или общество информации / Г.Н. Мехед // Философия и культура. – 2010. – № 12.
6. Марков, Б. Человек в эпоху масс-медиа / Б. Марков // Информационное общество. – М., 2004.

7. Дракер, П. Посткапиталистическое общество / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
8. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000.
9. Ключина, А.И. Культура и образование в эпоху глобализации / А.И. Ключина // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусства. – 2010. – № 4. – С. 42–43; Наливайко, А.В. Философия образования Востока и Запада: общее и особенное / А.В. Наливайко, Н.В. Наливайко // Философия образования. – 2011. – № 1. – С. 166–167.
10. Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. – М., 2007.

SUMMARY

The article is devoted to substantiation of the idea

that main education strategies result from social science's historical paradigms. As far as modern education strategies based on information society's conceptions in many instances, attention is given to these strategy's principal disadvantages. The authors notes that information society's theorist identify concept «information» and concept «knowledge» often, so «knowledge» is identified with manager's resource. Consequently these strategies can not prepare professionals, who will be able to find the ways of overcoming the modern technogenetics society's crisis.

Поступила в редакцию 28.03.2012 г.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ